

A decorative border composed of black line art on a white background. The border features stylized flowers, leaves, and vines. At the top, there are clusters of small, bell-shaped flowers. Below them, larger, more complex floral shapes with multiple petals and intricate line work are visible. The border is symmetrical and frames the central text.

* * *

Для необычайных

A decorative border of black line art illustrations surrounds the text. At the top, there are branches with leaves and small, bell-shaped flowers. On the right side, there are vertical floral motifs, including a large, multi-petaled flower and a smaller, more delicate one. At the bottom, a large pomegranate is shown in cross-section, revealing its seeds. The pomegranate is surrounded by more floral and leafy designs, including a large, stylized leaf on the left and a complex, swirling floral pattern on the right. The entire border is composed of clean, black outlines on a white background.

Часть I.

**ЗОЛОТЫЕ
ДЕНЬКИ**

Жила-была девочка

Сами девочки на предварительные собеседования не приходили никогда. Приходили родители, опекуны, растерянные братья и сестры, всей душой желающие помочь, но не представляющие как. Для самих будущих учениц это было бы слишком тяжело — сидеть и слушать, как родные, самые любимые, самые близкие в мире люди (в этом мире, во всяком случае) называют их воспоминания бредом, приключения — фантазиями, а всю их жизнь — какой-то не поддающейся лечению болезнью.

К тому же, если бы девочки впервые увидели Элеанор такой — одежда в сдержанной серо-лиловой гамме, с такой же строгой прической флегматичной пожилой тетушки, какие и бывают-то разве что в детских сказках, —

вряд ли после этого они прониклись бы доверием к ее школе. Настоящая Элеанор была совсем другая. Ни к чему им слушать, как она будет разговаривать с родителями, как будет убеждать их со всей серьезностью и откровенностью, что ее школа поможет бедным заблудшим овечкам излечиться от всех отклонений в психике. Возьмет сломанных детей в починку и вернет обратно целыми.

Разумеется, все это была ложь, но будущим ученицам неоткуда было это знать. Поэтому Элеанор проводила беседы с законными представителями несовершеннолетних с глазу на глаз и отыгрывала свою роль с уверенностью и мастерством прирожденной мошенницы. Если бы вдруг все эти опекуны вздумали собраться вместе и сличить записи их бесед, то увидели бы, что сценарий давно отработан и тщательно смазан, как надежное оружие, потому что это и было ее оружие.

— Мы имеем дело с редким, но не уникальным психическим расстройством. Оно проявляется у юных девушек, когда они подходят к той черте, за которой девочка превращается в женщину, — говорила она, глядя прямо в глаза отчаявшимся, подавленным родственникам очередной юной бродяжки.

В тех редких случаях, когда приходилось иметь дело с родителями мальчика, текст речи слегка менялся, но не более, чем того требовала ситуация. Элеанор оттачивала эту программу годами и умела играть на родительских страхах и надеждах. Они желали своим подопечным только добра, так же как и она. Вот только понятия о том, что же такое «добро», у них совсем не совпадали.

Родителям она говорила:

— Это все галлюцинации — возможно, смена обстановки пойдет на пользу.

Дядюшкам и тетушкам она говорила:

— Вашей вины тут нет, а я, вполне вероятно, сумею все исправить.

Бабушкам и дедушкам она говорила:

— Позвольте мне помочь вам. Прошу вас, позвольте мне помочь.

Не всех удавалось убедить, что закрытая школа — это лучший выход. Примерно каждая третья ученица ускользала от Элеанор, и это было грустно: теперь этим девочкам придется в жизни гораздо труднее, а ведь их можно было спасти. Зато как сердце радовалось за тех, кого поручали ее заботам. Пока они с ней, это значит, что с ними рядом есть хоть кто-то понимающий. Даже если им никогда не представится

Шеннон Макгвайр. В КАЖДОМ СЕРДЦЕ — ДВЕРЬ

возможность вернуться домой, здесь у них всегда будет кто-то понимающий и общество сверстников, таких же как они, а это само по себе бесценно.

День за днем Элеанор Уэст старалась дать этим детям то, чего была лишена сама, и надеялась, что когда-нибудь заслужит этим право вернуться домой.